

— Евнух Ван, я всё прекрасно понимаю. Мне правда очень жаль, что всё так обернулось, но теперь, когда дела зашли так далеко, боюсь, мы уже не в силах распоряжаться своей судьбой, как нам того хотелось бы. — Несмотря на то, что правда была жестокой и безвыходной, человеку всегда приходится смотреть ей в лицо.

— Евнух Ван... — Дун Сянь, конечно, понимал, о чем говорит евнух Ван. Именно потому, что он понимал это до конца, ему было так трудно сдержать эмоции.

Как раз в тот момент, когда старик и юноша погрузились в пучину скорби, к ним снова пожаловал евнух Чжан с императорским указом.

— Слушайте указ: Кан-дафу Дун Сянь, прими волю государя. Повелением Неба и императорским указом постановляю: с сего дня повысить Кан-дафу Дун Сяня в должности до Чжанцзо-шаофу. Весь род Дун также удостоивается награды. Указ принят, выразите благодарность!

Услышав это, Дун Сянь на мгновение лишился дара речи. Он никак не ожидал, что Император поступит так...

— А Сянь! А Сянь! — Евнух Ван отчаянно тряс его похолодевшее тело, пытаясь вернуть его в чувство.

— Как Император мог так поступить?! Как он мог?! — Неужели теперь у него совсем не осталось пути назад?

Особенно учитывая, что его отец, глава рода Дун, был столь алчен и падок на выгоду, а к тому же мастерски умел менять свои взгляды в угоду ветру. Теперь, когда Император пожаловал такие щедрые награды, пространства для маневра и вовсе не осталось.

Видя, что ситуация стала необратимой, евнух Ван попытался вразумить Дун Сяня:

— А Сянь, послушай меня, успокойся. Разве ты не мечтал стать верным советником при Императоре, помогать ему изо всех сил, чтобы принести благо народу? Сейчас выпал шанс, о котором другие и мечтать не смеют. Ты должен воспользоваться этой возможностью. К тому же, быть может, Император совершил это лишь в порыве чувств...

На самом деле он прекрасно понимал: взгляд, которым Император одаривал Дун Сяня, никак нельзя было списать на минутную слабость. Это было фанатичное обожание, которое бывает лишь у мужчины, охваченного страстной любовью. Однако сейчас он мог сказать только это.

Неизвестно, убедили ли Дун Сяня слова евнуха Вана, но он внезапно замолчал. Прошло довольно много времени, а Дун Сянь так и не шелохнулся и не произнес ни слова. Тогда евнух Ван позвал его снова:

— А Сянь!

На этот раз он наконец отозвался:

— Я сейчас же иду к Императору! — Голос его звучал решительно и твердо.

— А Сянь? — Евнух Ван был крайне удивлен, в его глазах читалась нескрываемая тревога.

По сравнению с тем, что было минуту назад, Дун Сянь выглядел на удивление спокойным.

— Евнуху Вану не о чем беспокоиться, А Сянь знает, что делает.

Услышав это, евнух Ван немного успокоился:

— Что ж, хорошо! Увидев тебя, Император наверняка будет счастлив.

— Ваш слуга приветствует Императора! — Дун Сянь быстро добрался до Императорского кабинета.

Увидев своего возлюбленного, Лю Синь просиял.

— Шэн Цин, не нужно лишних церемоний. Скорее поднимись и иди ко мне!

Говоря это, он уже протянул свои страстные объятия, пытаясь поддержать Дун Сяня и прижать его к груди. Дун Сянь ловко уклонился от его порыва и отступил в дальний угол.

— У меня есть дело, о котором я должен доложить Вашему Величеству!

— Говори прямо, Шэн Цин! — Лю Синь сделал вид, что не заметил его реакции, и направился к нему. — Тебе понравилась награда, которую я даровал?

Дун Сянь отступил еще на несколько шагов.

— Император, помните, Вы обещали мне, что не будете без причины жаловать мне почести!

— Это было... — Обещание еще звучало у него в ушах, и Лю Синь на мгновение запнулся. — Ты хочешь сказать, что не рад моей награде?

Неужели даже такие щедрые дары не могут удержать его сердце? Эта мысль заставила уверенность Лю Синя пошатнуться.

— Я уже говорил: нельзя принимать награды без заслуг. Или Император считает, что я совершил какой-то великий подвиг, раз Вы даруете мне такие милости? — В его словах сквозила нескрываемая ирония.

Он знал, что подобное непочтение к монарху — тяжкий грех, но не смог сдержаться.

— Дерзость! Это тон, которым ты разговариваешь с Императором? — Лю Синь никак не ожидал, что тот будет так себя вести.

Он изо всех сил пытался загладить «неучтивость» прошлой ночи, а тот оказался столь неблагодарным и неразумным!

Дун Сянь без страха ответил:

— Раз Император недоволен моим поведением, прошу Вас лишить меня должности и позволить вернуться в родные края. Тогда Вы больше не будете гневаться из-за меня!

Только теперь Лю Синь понял его истинную цель. Он застыл на несколько секунд, а затем разразился диким смехом. Внезапно он схватил Дун Сяня и крепко прижал к себе. Его голос звучал твердо и властно:

— Ты думаешь, что если скажешь это, я попадусь на твою удочку и отпущу тебя домой? Не надейся! Скажу прямо: пока я жив, ты принадлежишь только мне. Никто не смеет отнять тебя у меня, смирись!

Его тон был таким же безумным и возбужденным, как и выражение лица. Дун Сянь и представить не мог, что он скажет подобное.

— Император, вы ведь шутите, верно?

— Похоже ли, что я шучу? — Он придвинул свое лицо еще ближе.

Дун Сянь в замешательстве отвел взгляд, стараясь избежать прямого столкновения.

— Император, которого я знал, не был таким!

— Это ты сделал меня таким! Если нет, скажи, что я должен сделать, чтобы ты навсегда остался при мне? — В голосе Лю Синя смешались страх, гнев и возбуждение.

— Если Император пообещает, что впредь не повторится того, что было прошлой ночью, я буду, как и прежде, оставаться подле Вас и служить Вам! — Это был его последний выбор, ничего лучше он придумать не мог.

Неожиданный поворот привел Лю Синя в восторг.

— Я обещаю! Я обещаю тебе! Поэтому ты ни за что не должен покидать меня!

Сейчас он походил на щенка, который боится, что хозяин его бросит. У Дун Сяня сердце болезненно сжалось, и голос его смягчился.

— Вы — Сын Неба, дракон среди людей, как вы можете вести себя подобным образом?

— Если Шэн Цин больше не будет сердиться и пообещает вечно быть со мной, я больше не буду выглядеть так, — словно упрямый ребенок, заявил он.

— Я уже сказал, что не оставлю Вас, если только Вы сами не нарушите обещание! — Даже будучи императором, он не мог избежать его правды, ведь Дун Сянь всегда настаивал на своих принципах до конца.

— Больше никаких событий, подобных минувшей ночи, и никаких чрезмерных наград, так? — Сейчас Лю Синь был готов согласиться на любые условия, лишь бы удержать любимого рядом.

— Да! — Встретившись взглядом с его одинокими, испуганными черными глазами, Дун Сянь просто не мог больше его упрекать.

— Шэн Цин... — Лю Синь тихо позвал его, и его объятия стали еще жарче.

А Дун Сянь в душе продолжал молиться: лишь бы Император сдержал свое слово, и тогда он постарается поскорее забыть «неприятности» прошлой ночи.

Глава седьмая

Весть о том, что Дун Сянь «трижды повышался в должности за месяц», быстро разнеслась по дворцу. Завистников у него было немало, как, впрочем, и желающих подольститься. Лю Синь соблюдал свое обещание, данное Дун Сяню, поэтому они жили в мире и согласии. Евнух Ван, видя такое положение дел, наконец вздохнул с облегчением.

Однако счастье было недолгим — мир продлился лишь неделю.

Этой ночью, когда луна заливала всё вокруг серебряным светом, Дун Сянь, как обычно,

остался в Императорском кабинете, беседуя с Лю Синем.

— Чжу Сюй? — Лю Синь старался говорить как можно спокойнее.

Стоило зайти речь об этом старшем брате, с которым он вырос и к которому был так привязан, как на лице Дун Сяня расцвела улыбка.

— Да! Мы договорились, что когда вырастем, будем вместе служить Императору и помогать народу. Сюй — прирожденный воин, Вы обязательно его полюбите!

Хотя он и не знал, когда именно Чжу Сюй исполнит их «обещание» и придет во дворец на службу, чтобы воссоединиться и осуществить мечты юности, но, судя по всему, время было близко. Вот он и решил замолвить за него словечко перед Императором. Во-первых, он хотел помочь другу детства, а во-вторых, Чжу Сюй был человеком честным и верным, и со временем непременно стал бы правой рукой Императора.

— Похоже, Шэн Цин очень дорожит этим Чжу Сюем? — В сердце Лю Синя поднималась волна ревности.

— Да! Я ведь говорил, что мы выросли вместе, мы лучшие друзья и названные братья! — Дун Сянь беззаботно продолжал говорить.

— Ты очень хочешь его увидеть? С ним тебе веселее, чем со мной? — В голосе зазвучали опасные нотки.

— Император? — Только теперь он заметил его взгляд, полный такой ярости, будто тот готов был его проглотить.

— Ты принадлежишь только мне! Вечно будешь принадлежать только мне! Никто не смеет тебя забрать! — Неожиданно, словно безумный лев, Лю Синь бросился на Дун Сяня, повалил его на пол и прижал к себе.

— Император? — Знакомый ужас нахлынул на него, как поток, от чего по спине пробежал холодок, а сердце забилось в бешеном ритме.

Что из себя представляет этот Чжу Сюй?! Если он осмелится приблизиться к моему Шэн Цину, я брошу его в темницу до конца жизни!

Сердце Лю Синя пылало от неконтролируемой ревности. С другой стороны, глядя на милое создание, прижатое к полу, он вспоминал ту ночь, и это вызывало в нем непреодолимую страсть. Он стремительно приблизил свои горячие губы к губам возлюбленного.

— Император, не надо, Вы же обещали... Нет... — Дун Сянь отчаянно сопротивлялся, боясь, что страшный кошмар той ночи повторится.

Но чем больше он сопротивлялся, тем сильнее разжигал желание Лю Синя, который был готов взять свое любой ценой.

— Шэн Цин, будь послушным, дай мне любить тебя, ты принадлежишь только мне... вечно... — Безумно повторял он одни и те же слова.

— Нет... остановитесь... не надо... — Дун Сянь из последних сил пытался вырваться, но не мог ускользнуть от его безумных действий.

Ситуация была безнадёжной. Если судить по телосложению, Лю Синь был выше и крепче, к тому же он обучался боевым искусствам и бывал в военных походах, так что мастерства ему было не занимать. Дун Сянь же был тоньше любой девушки, с детства его воспитывали как девицу. Хоть он и не утратил мальчишеской озорной натуры, его тело, не привыкшее к нагрузкам и тренировкам, не имело никакой силы.

При такой «разнице в силах» как он мог вырваться из захвата Лю Синя?

И вот, под отчаянные крики Дун Сяня, Лю Синь вновь овладел им... раз за разом...

Тихой лунной ночью Чжу Сюй никак не мог уснуть. Что случилось? Неужели лунный свет сегодня слишком обворожителен?

Раз уж сна не было, он сел на кровати, накинул халат, вышел из комнаты и сел на ступени галереи, любуясь серебряной луной. Его мысли невольно обратились к Дун Сяню, чье лицо было прекраснее любого цветка.

Сяо Сянь, как ты там?

При мысли об этом юноше, по которому он так тосковал, сердце его беспокойно билось. Прошло уже полгода, как он заступил на службу в императорскую гвардию, но до сих пор не смог разузнать ничего о Дун Сяне.

Неудивительно, что он волновался: с его положением подобраться к важным людям во дворце было сложнее, чем дотянуться до неба, не говоря уже о том, чтобы расспрашивать их о Дун Сяне. К тому же он не хотел поднимать шумиху и расспрашивать каждого встречного — были на то свои опасения. Дун Сянь был так красив и притягателен; если бы из-за его расспросов тот оказался в еще большей опасности, Чжу Сюй никогда бы себе этого не простил. Поэтому, охраняя Западные ворота, найти того, по кому он так скучал, было крайне трудно.

Сегодня ночью, неизвестно почему, он тосковал по Сяо Сяню особенно сильно. Чжу Сюй невольно издал тяжелый вздох, обращенный к небу.

— Сяо Сянь, как ты? Я уже полгода служу во дворце, как мы и договаривались. Надеюсь, скоро мы встретимся! — Это было его самое сокровенное желание.

В беспорядке Императорского кабинета перед рассветом всё казалось еще более унылым. Бледный, с разорванным одеянием Дун Сянь сжался в углу. Он не двигался и не говорил, и по его прекрасному, застывшему лицу было невозможно прочесть, что у него на душе.

Лю Синь сидел за столом, что-то старательно записывая, а на его лице сияло удовлетворение и еще не угасшая страсть.

— Шэн Цин, слушай указ! — После долгого молчания Лю Синь, по-видимому, закончил работу.

Дун Сянь был подобен безжизненной кукле, не проявляя никакой реакции. Лю Синь взглянул на него и снова повторил:

— Шэн Цин, слушай указ!

На этот раз его тон был строже. Тот по-прежнему молчал. Такое поведение начало раздражать Императора. Неужели он все еще думает об этом проклятом Чжу Сюе?

— Шэн Цин... — Он сам подошел к нему.

— Не трогай меня! — Дун Сянь, подобно испуганной птице, рефлексивно оттолкнул его руку и в ужасе забился еще дальше в угол, пока не уперся в стену.

Вид Дун Сяня вызвал у Лю Синя смесь жалости и гнева.

— Ты смеешь сопротивляться мне?

— Это Вы первый нарушили обещание! — С обидой и ненавистью ответил Дун Сянь, ничуть не испугавшись.

Встретившись с его печальным, пьянящим взглядом, Лю Синь невольно почувствовал, как сердце забилося быстрее.

— Я — правитель страны, что хочу, то и делаю, кто смеет меня осуждать?

Чувство вины вызвало у него приступ ярости. Он вовсе не собирался нарушать обещание! Он так дорожил своим Шэн Цинем, но судьба-злодейка подсунула этого Чжу Сюя, который заслуживал смерти тысячу раз, и это заставило его потерять рассудок.

Дун Сянь не был трусом, который, опасаясь власти, глотает обиды.

— Есть поговорка: слово императора тверже камня. Раз Вы — Император, тем более не должны нарушать обещание, данное мне, снова и снова...

— Это ты во всем виноват! — В крайнем возбуждении он схватил его за холодные руки. — Ты не должен был думать о ком-то, кроме меня, и тем более не должен был любить кого-то другого!

Чем ближе он был к нему, тем сильнее становилось желание обладать им безраздельно.

— Это тирания! Я хочу домой! На этот раз я не стану слушать Вас! — Дун Сянь не сдержался и выкрикнул это, хотя знал, что это невозможно.

Лю Синь холодно усмехнулся:

— Думаешь, я позволю тебе сбежать? Я уже сказал: ты принадлежишь только мне. Смотри, что написано в этом указе!

Он протянул ему свиток, который только что закончил писать. Дун Сянь молчал, даже не пытаясь его взять. Лю Синь не обиделся — в любом случае, от него ему уже никуда не деться.

— Шэн Цин хочет, чтобы я зачитал указ вслух? Хорошо! Я как раз собирался это сделать.

Не дожидаясь реакции Дун Сяня, он сам объявил содержание:

— С сего дня Чжанцзо-шаофу Дун Сянь повышается в должности до Маркиза Гаоаня, жалую ему имя «Шэн Цин» и дарую поместье! Указ принят!

Дун Сянь мог лишь широко раскрытыми глазами смотреть на мужчину перед собой. Голос пропал от шока, и он не мог вымолвить ни слова.

— Пока поместье не будет достроено, Шэн Цин поживет в моих покоях. — Вот чем он был так занят все это время.

— Нет... — Только обретя голос, Дун Сянь поспешил выразить свой отказ.

Но едва он начал, Лю Синь властно зажал ему рот рукой.

— Шэн Цин, не говори глупостей. Ты же знаешь, что за неподчинение императорскому указу грозит казнь всего рода?

— Император?! — Дун Сянь не верил своим ушам. Он надеялся, что это лишь дурной сон.

Но Лю Синь «добродушно» напомнил ему, что это реальность.

— Шэн Цин такой умный, я верю, что ты не совершишь глупости, из-за которой пострадает твоя семья, верно?

Глядя на его личико, полное гнева и беспомощности, Лю Синь был бесконечно доволен. Вот так. Отныне и впредь Шэн Цин принадлежит только мне. А этот Чжу Сюй — что он вообще такое? Хм!

Небеса! Почему вы так со мной поступаете? Неужели всю жизнь мне придется жить в тени, пока Император не насытится и не устанет от меня?

Дун Сянь был готов разрыдаться. С самого детства он еще никогда так не ненавидел свою внешность. Если бы не этот лик, всё могло бы сложиться иначе.

— Почему Шэн Цин молчит? — Он прекрасно знал, почему.

— Вы больше не тот Император, которого я знал. — Тон Дун Сяня был ледяным.

— Ну и что? — Если бы было возможно, Лю Синь предпочел бы не слышать таких холодных слов. Но ради того, чтобы вечно обладать Шэн Цином, он был готов пойти на жертвы.

Когда Дун Сянь снова поднял глаза, в них, кроме ненависти, не осталось ничего.

— Я хочу лишь, чтобы Император понял: моя верность была отдана тому Императору, которого я знал, а не Вам!

— Дерзость! — Лю Синь, доведенный до предела, в ярости швырнул его на пол. — Бессердечный негодяй! Я к тебе со всей душой, а ты не только не ценишь, но и говоришь такие ужасные вещи! У тебя вообще есть сердце?

Слова Дун Сяня ранили его в самое сердце. Дун Сянь, лежа на полу, не спешил подниматься и холодно произнес то, что у него было на душе:

— Я никогда не просил Вашей любви.

— Ты хочешь сказать, что всё это — мои фантазии, что ты лишь жалел меня, марионеточного императора без реальной власти? — Чем больше он говорил, тем сильнее возбуждался.

Да! Он любил его, любил как мужчина женщину, был готов на всё, лишь бы удержать его, даже если тот будет его ненавидеть. А он лишь жалел его?

Выражение лица Лю Синя, глубоко раненого его словами, вызвало у Дун Сяня необъяснимую боль.

— Нет, Император, я просто...

— Замолчи! — Он испугался услышать ответ, который разобьет ему сердце, и грубо перебил его. — Не смей говорить... Мой Шэн Цин, очнись! Я не позволю тебе... — В этом одиноком дворце, где нет настоящих чувств, он наконец нашел сокровище и ни за что его не отпустит.

— Император, нет...

Под отчаянный крик Дун Сяня Лю Синь вновь властно завладел его губами и его хрупким телом.

По иронии судьбы, евнух, который этим утром должен был подавать Императору одежду, оказался тем самым доверенным лицом, которого Великая вдовствующая императрица Фу подслала к Лю Синю для «наблюдения». Он видел всё: от вручения указа о пожаловании титула до надругательства над Дун Сянем. В его глазах вспыхнул злобный блеск. Он быстро зашагал прочь, чтобы доложить обо всем своей госпоже.

<http://bllate.org/book/21157/2144442>